

ЛАРИСА
СОБОЛЕВА
РАНДЕВУ С ПОКОЙНИКОМ

Издательство АСТ
Москва

Оглавление

Глава 1	
ПОКОЙНИК ПРИХОДИТ НА ЗАКАТЕ	5
Глава 2	
СВИДАНИЕ С ПОКОЙНИКОМ	54
Глава 3	
КТО ПОКОЙНИК?	91
Глава 4	
ПЯТНИЦА, ТРИНАДЦАТОЕ (ПОЛНОЛУНИЕ)	129
Глава 5	
КУДА СБЕЖАЛ ПОКОЙНИК?	168
Глава 6	
ПОКОЙНИК ИДЕТ В НАСТУПЛЕНИЕ	212
Глава 7	
КАЖДОЙ ПЛОШКЕ ПО ЛОЖКЕ	271

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С54

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Оформление — *Екатерина Фerez*

*Ранее книга издавалась под названием
«Остатки былой роскоши»*

Соболева, Лариса Павловна.

С54 Рандеву с покойником : [роман] / Лариса Со-
болева. — Москва : Издательство АСТ, 2024. —
384 с. — (Она всегда с тобой. Детективы Ларисы
Соболевой).

ISBN 978-5-17-160993-1

Сытая, размеренная жизнь верхушки администрации города — мэра, его замов, крупных бизнесменов, главного редактора местной газеты — нарушена самым неожиданным образом. К ним является... покойник. Memento mori — напоминает он и сообщает, что за неделю уничтожит их всех. Что это? Чья-то глупая шутка или происки конкурентов? И кто он, этот призрак, — посланец с того света или человек, неведомо как оживший и пришедший расквитаться за свое унижение, разорение и заключение в тюрьму? А размышлять-то особо некогда — события развиваются с адской скоростью. Жизнь «отцов города» за эти роковые семь дней превращается в кошмар, в звериную борьбу за место под солнцем, за сохранение того, что они всегда считали главным, — власти и богатства. Семеро против одного. Один против семерых. Кто кого?..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-160993-1

© Соболева Л.
© ООО «Издательство АСТ», 2024

Если кто-нибудь из читателей в данном произведении узнает себя или некоторые эпизоды покажутся до боли знакомыми, автор клятвенно заверяет: это чистая случайность.

Глава 1

ПОКОЙНИК ПРИХОДИТ НА ЗАКАТЕ

1

Красный закат гас, сгущались сумерки. Ни ветерка. Кругом покой, благоухание и благодать. Но Хрусталева не тронула южная весна красотами буйного цветения, а покоя он давно лишился. Воскресный майский вечер Матвей Фомич Хрусталев в гордом одиночестве проводил в загородном доме, так как взбунтовалась печень. В его положении — заместителя главы администрации по зарубежным связям — пить приходится литрами. Нет, ведрами. Вот и взял тайм-аут на парочку дней. А ведь сегодня день рождения банкира Цинкова; в городе так и называют этот банк — цинковый, переставив ударение на первый слог. Впрочем, Цинков стоит на ногах монументально, банкира на металлолом не отправишь, он несгораем, непотопляем, посему народ дал такое прозвание и его банку.

В принципе Хрусталеву в этот вечер было плевать на банкеты и банкиров. Он скушал горсть таблеток и ждал, полулежа в плетеном кресле на веранде, когда же прекратится нытье в печени. Вся его длинная, худая фигура скуко-

жилаась, некрасивое лицо с заостренными чертами
исказила страдальческая мина. Женщина в сорок
пять — ягодка, а о возрастном цензе мужчин нет
изречений, во всяком случае, Хрусталева таковых
не знает. К сожалению, он не ягодка. И не плод.
А если и плод, то подгнивший, на вид невзрачный
в свои сорок пять. Все печень проклятая. А взгля-
нуть в зеркало — мешки под глазами подают еще
один сигнал тревоги: и почки! Цвет лица болезнен-
ный, пепельно-серый. К врачам он не обращался,
ну их к лешему. Как нарисуют диагнозов том, так
помереть можно от одной мнительности, поэтому
занялся самолечением, вооружившись советами
и надеждой на «авось пройдет и так».

Жена просила цветочки полить — не полил. Труд
он не уважает, крестьянский тем более. Загородный
дом не роскошь, а необходимость. Для одних это
способ добыть пропитание, для других — престиж.
Матвей Фомич относится ко второй немногочис-
ленной категории. Он не гнет спину на грядках до
седьмого пота, не борется с насекомыми и сорняка-
ми, отравляя одновременно себя, не глядит на небо
в ожидании дождя, а пожинает плоды чужого труда,
то есть нанятых поденных работников, которых вся-
кий раз норовит надуть при расчете. Как говорится,
берешь деньги чужие, а отдаешь-то свои, так вот, от-
давать их никто никогда не хочет и никому. Хруста-
лев в этом уверен. Вообще-то ему нравится здесь, но
денег эта чертова дача сжирает уйму, хочется, чтобы
все на уровне было, а уровень стоит дорого.

Отхлебнув успешного остыть чайку, Матвей
6 Фомич с тоской обвел взором дачный уча-

сток. Жизнь хороша. Но хороша, когда ничего не болит. Кажется, и с легкими нелады, кашель какой-то чахоточный по утрам и вечерам — не простудный, нет, а надрывный... Неожиданно Хрусталеv переключил внимание на цветник перед верандой. В густых зарослях высокого растения, цветущего лишь весной белыми зонтичными цветами, раздался подозрительный шорох. Матвей Фомич подумал, что это кошка, и потому крикнул:

— Брысь!!!

Представителей семейства кошачьих он терпеть не может, особенно их запах. Однако кошка, если это она, не испугалась и не рванула прочь с чужой территории, а затаилась. Даже странно стало: отчего кошка не драпает? Надумала на столе ревизию сделать? Котов нельзя привечать, от них одни глисты в утробе. Примерно такие мысли лениво шевельнулись в его голове. Хрусталеv нехотя встал, поискал, чем бы запустить в кусты. Не найдя ничего подходящего, сошел с веранды и еще раз угрожающе рявкнул:

— Брысь, сволочь!!!

«Сволочь» и не думала улепетывать. Тогда он взял метлу, неряшливо брошенную у ступенек соседкой, живущей здесь круглый год и выполняющей обязанности уборщицы на участке Хрусталеvых, и шагнул к кустам. Показалось в сумерках, или там правда кто-то не то сидит на корточках за кустами, не то стоит. Ба! Да там, кажется, человек. Матвей Фомич сам не храброго десятка, но тут он вспомнил, что по соседству полно дачников, на шум, если что, сбегутся. Тут же родилась

вторая мысль: возможно, кто-то из соседей решил стащить чего-нибудь. Ну это верх наглости! Хрусталеv черенком метлы раздвинул длинные ветви и...

Ужас, охвативший Матвея Фомича, невозможно передать. За кустом на самом деле стоял человек. Не просто человек, а самый настоящий мертвец. Стоит и смотрит в упор! Мертвый! Как живой!!! Не так давно он лежал в гробу, его закопали, лопатами прибили землю, забросали холм венками, а он — вот он. В костюме, в каком лежал в гробу. Синюшные губы, стеклянный взгляд... Мертвенную бледность покойника подчеркивали белые цветущие шарики кустарника. До него можно дотянуться рукой!

Хрусталеv — человек современный, знает, что этого не может быть, потому что быть не может. Но при виде восставшего из гроба мертвеца у него все волосы, какие растут на теле, встали дыбом и произошло мочеиспускание. Он этого даже не заметил, открыл рот, чтобы позвать на помощь, однако звуков не исторг, как ни старался.

— Ааааа... — Из горла Матвея Фомича вырвалось лишь шипение из одной буквы.

Сердце его захолонуло. Хрусталеv вытаращился на мертвеца, мертвец на него. Длилось это вечность. Наконец призрак медленно наклонил голову и так же медленно сделал шаг вперед. Матвей Фомич попятился, упал на ступеньки, больно стукнувшись поясницей, подскочил, будто его ужалила оса, и быстрее пули метнулся в дом. Руки его не слушались, когда закрывал замки. Наконец два

громких щелчка возвестили, что теперь он заперт, а мертвец остался снаружи. Этого

мало! Хрусталева забрался под лестницу, ведущую на второй этаж, и сжался в комочек, такой махонький-махонький, хотя рост у него под метр восемьдесят. Только под лестницей тело его вдруг затряслось, как отбойный молоток, и покрылось потом. Пот стекал с висков, по спине, по ногам... Впрочем, по ногам стекала моча, но это неважно, потому что бедняга находился в состоянии, которому и названия нет.

Сколько прошло времени — неизвестно. Возможно, много. Хрусталева дышал как тягловая лошадь на последнем издыхании и даже не пытался понять, что это было. Он безостановочно крестился, пробовал прочесть молитву, но, не зная ни одной, кроме фразы: «Отче наш, иже еси на небеси...», повторял ее шепотом без конца. Работал телевизор, и его звуки, долетавшие до Матвея Фомича, означали, что он еще на этом свете, а не на том. Однако это нисколько не успокаивало.

Но вот затренькал мобильник. Телефон. Спасение! Он позовет на помощь, за ним приедут, и все кончится. Хрусталева ринулся к трубке, лежавшей на диване, наскაკивая на мебель, падая и поднимаясь. Да только не получилось позвать на помощь — схватив трубку, он оказался способен произнести лишь все то же хриплое «аааа». Звонивший не откликнулся. Хрусталева вдруг тоже замолчал, напрягшись, потому как молчание в трубке показалось странным. Он начал озираться в темноте с неописуемым безумием на лице, когда услышал:

— Я здесь, Матвей.

Это сказал... по телефону... человеческим голосом... покойник! Вполне нормальным

голосом, каким говорил при жизни. Хрусталеv ощутил присутствие мертвеца на каждом метре площади дома — за спиной, над головой, всюду. Тут его повело, и, падая, он подумал: «Я умираю. Как хорошо...»

2

В это же воскресенье, восьмого мая, но часов в одиннадцать ночи в шикарном автомобиле «Фольксваген» ехала казна города. В смысле не деньги, а человек, заведующий казной, — Валентин Захарович Ежов. Этого сорокалетнего господина можно было бы назвать привлекательным, если бы не его волонтаристский склад характера, излишняя надменность и недоверчивость, которые очень отразились на внешности. Он худощав, всегда с прямой спиной, стрижен коротко и аккуратно, темноволос, скуласт, с тонкими чертами лица, достопримечательностью которого являются въедливые черные глаза. Основная черта Ежова — мстительность, потому его боятся сослуживцы, а простые смертные ненавидят. Он умен, когда хочет — вежлив, подвержен частой смене настроений.

А настроение на данный момент у него было самое отвратное. Во-первых, какая-то подлюга подсунула «желтуху», где опубликовали интервью его законной. Он подсуетился — тираж, пришедший из области, весь скупил еще вчера, в субботу утром. А сегодня на банкете в честь дня рождения банкира Цинкова неизвестный мерзавец подбросил в карман пиджака газетенку. Ежов этого даже не почувствовал. Сунул руку в карман, а там

она, знакомая каждой буковкой газетка! Теперь гарантии нет, что сей номерок не попал еще в чьи-то руки. С Алькой, родной женой, распутившей язык, он еще не говорил. Она пару дней решила провести у заболевшей мамочки. К теще он, конечно, не поедет выяснять отношения — с двумя гарпиями ему ни за что не справиться, но когда Алька вернется домой... И Ежов заскрежетал зубами. Во-вторых, Цинков вел себя по-хамски: Ежов его поздравлял, а он повернулся задом и разговаривал в голос с тлей из камерного оркестра, до того пилившей на скрипке. Это называется — приехали!

И тут Ежов тоже приехал на условленное место. Заглушил мотор, выключил фары. Ждал недолго. Сделав круг на повороте, резко затормозила «Волга» и сразу умчалась, оставив женскую фигуру, маячившую в темноте. Фигура целенаправленно двинулась в сторону автомобиля Ежова, а он приготовил машину к старту. Минуту спустя вел «Фольксваген» уже по дороге к дачам.

А присоединилась к нему совесть города, то бишь заместитель главы администрации по социальным вопросам Зинаида Олеговна Туркина. Зиночка похожа на перину, до отказа набитую пухом. У нее короткая модельная стрижка «мисс начальница», одета в деловой костюм строгого покроя, предназначенный для банкетов. Одежда совести города может показаться однообразной, но заикнуться на эту тему равносильно смерти. У Зиночки одеяния делятся на две разновидности: костюмы деловые и костюмы нарядные. Первые строже, вторые дороже. Зинаиду Олеговну в городе про-

звали гюрзой, потому что, когда у нее чего-то требуют, она будто впадает в транс, глаза ее стекленеют и смотрят сквозь собеседника. А после требователь может рассчитывать на отказ по всем статьям или ответный укус: гюрза его со света сживет. Впрочем, ей льстят подобные эпитеты: кобра, акула, гюрза. Это значит, что она внушительная дамка, а не рядовая пешка, коей не имеет права быть женщина, занимающаяся политикой даже в крохотном провинциальном городке.

— Ты видела, как Цинков себя вел? — спросил Ежов, сжав скулы.

— Еще бы! — Она хищно сузила и без того узкие глазки, а на ее круглых щечках заиграл румянец негодования. — Ты не знаешь, что он еще и сказал при том.

— И что же?

— Когда я говорила тост, а он нагло в голос разговаривал с этой, из оркестра, как и на твоём поздравлении, скрипачка ему сказала: «Юра, нельзя же так неучтиво относиться к людям». А он: «Где ты увидела людей? Вон те, что ли? — И в нашу сторону сделал кивок. — Это, — говорит, — не люди, а халявщики и вымогатели. Я их не приглашал».

— Кто передал?

— Да так, один из «шестерок». Он рядышком стоял, все слышал.

— М-да, опустил ниже плинтуса, говнюк. Вот тебе и демократия, скрещенная с капитализмом. Нас уже в грош не ставят. Я ему устрою!

— Ничего ты с ним не сделаешь, — с неудовольствием буркнула Зина. — Мы Цинкова

упустили. Теперь у него деньги, а они делают человека независимым, к глубокому нашему прискорбию. Как меняются люди! Еще недавно был хотя бы почтительным.

— Скрипачка — его любовница?

— Однокашница.

— Я уж подумал, у него плохой вкус. Начнем с нее. Она, кажется, на двух работах ишачит?

— Да. В оркестре и в музыкальной школе.

— Значит, пока ей хватит школы. А там и он где-нибудь маху даст.

Длинный и ровный отрезок пути тянулся вдоль зарослей с одной стороны и железнодорожного полотна — с другой. Фары осветили пешехода, сощурившего глаза от яркого света и уступившего дорогу автомобилю. Ежов, проехав мимо, вдруг затормозил и сдал назад на несколько метров. Машина резко остановилась, Валентин Захарович выключил свет, нервно вглядываясь в темень.

— Что с тобой? — удивилась Зина.

Ежов, не говоря ни слова, выскочил из машины, нервно огляделся, но подозрительный тип, привлекий его внимание, пропал, будто его и не было. Вернувшись в машину, Ежов некоторое время сидел в напряжении. Можно было подумать, вспоминал, заперт его сейф или нет.

— Что тебя так обеспокоило? — спросила Зина.

— Померещилось, — тронул он авто с места, очнувшись. — Привидится же такое...

В доме, куда они приехали, было сыро и прохладно. Весна хоть и выдалась ранняя, но несколько дней назад значительно похолодало.

Ежов, растапливая камин, бросил Зине свернутую газету:

— Прочти. Кстати, что пить будешь, шампанское или коньяк?

— Шампанское я пью на работе, а обычно... ты же знаешь.

Он выпил рюмку, а Зина тянула маленькими глотками, просматривая заголовки. У всех слуг народа в данном городе — особые пристрастия к выбору напитков. Ежов пьет исключительно дорогой коньяк, и, если ему предложить дешевенькое пойло, он оскорбится на всю оставшуюся жизнь. Мэр глушит виски, естественно, не из дешевых сортов. Хрусталеv пьет все, что нальют, — на халяву и уксус сладкий. Зиночка выбирает спиртное по ситуации: на работе — шампанское, с любовником — коньяк для подогрева страстей, а дома — только вино, и только изысканное.

— Статья называется «ЖЕНА НЕ СТЕНА», — подсказал Ежов.

— Угу, нашла. — Зина удобно устроилась в кресле, закинув ногу на ногу, отхлебнула коньяку, начала читать вслух: — «Мне долго пришлось уламывать жену второго лица в городе N, чтобы получить интервью. Несколько месяцев осады увенчались успехом. И вот в девять вечера я очутилась у бара «Корсар», где жались друг к другу “мерсы” и “тойоты”, заказала кофе и токай. Ждала час. Я, признаться, думала, что снова меня обманули, но тут у входа остановилась роскошная иномарка. Из нее вышла

и вплыла в зал уверенная в себе женщина,

14 широкомасштабная, как сама матушка-Рос-